

Е.В. Семенничева

СПАСО-БОРОДИНСКИЙ МОНАСТЫРЬ И БОРОДИНСКИЕ ТОРЖЕСТВА 1839 г.

В 1839 г. на Бородинском поле в высочайшем присутствии и с широчайшим размахом впервые была отпразднована Бородинская годовщина. Само собой разумеется, мероприятие такого грандиозного масштаба готовилось не один год. Внимание государственной власти к месту генерального сражения Отечественной войны 1812 года проявилось в середине 1830-х годов.

При решении вопроса быть ли на поле Бородинского сражения чугунному памятнику, «долженствующему свидетельствовать отдаленному потомству о знаменитой битве россиян, бывшей 26 августа 1812 г., почти со всеми народами Европы»¹, немалую роль сыграла резолюция императора Николая I, начертавшего: «В Бородино будут ездить все те, коим отечественные воспоминания дороги»².

К тому времени, когда эти эпические слова только ложились на бумагу, на поле битвы вот уже полтора десятка лет проживала женщина, для которой привязанность к Бородину заключалась не только в воспоминаниях отечественных. «Мысль обитать здесь родилась в недрах частной семейной печали»³, – сказал о ее намерении поселиться рядом с гробами мужа, героя Бородинской битвы, и отрока-сына святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский. Божьим промыслом ей было определено стать основательницей и первоначальницей монастыря, который еще современники называли «Тучковым», справедливо отдавая тем самым дань ее беспримерному подвижничеству.

Нет нужды повторять здесь историю возникновения монастыря на поле сражения. Кратко обозначим вехи его становления, добавив к общеизвестным сведениям то новое, что удалось отыскать в архивных фондах ЦИАМ, РГАЛИ, ГА РФ, РГИА, РГВИА, НИОР РГБ, ОПИ ГИМ, а именно отдельные штрихи, дополняющие общую картину.

В 1820 г. на средней Багратионовой флешки вдовствующая генеральша Маргарита Михайловна Тучкова на свои средства и пожалованную ей императором Александром I половину необходимой суммы построила церковь во имя Всемиловейшего Спаса, устроив в ней символическую могилу мужа. Шестью годами позже в этой церкви в приготовленном для себя самой склепе она погребла умершего пятнадцатилетнего сына Николая. День его погребения, 22 октября 1820 г., стал днем, когда она приняла решение поселиться у храма с дорогими ее сердцу могилами. Именно так указано в поданном в Святейший Синод ее формулярном списке за 1840 г.: «По устроению ею на Бородинском поле с разрешения начальства Храма во имя Всемиловейшего Спаса жительствовала при оном с 1826 Октября 22»⁴.

В 1833 г. ею же устроенное общежитие при сем храме по высочайшему соизволению было учреждено как Спасо-Бородинская общежительная пустынь, и вдовствующая генеральша Тучкова «по резолюции Преосвященного Филарета, Митрополита Московского и Коломенского и кавалера наименована настоятельницей этой обители»⁵.

В последний день 1837 г. Святейший Синод принял решение о преобразовании Спасской пустыни в Спасо-Бородинский общежительный второклассный монастырь. 1 января 1838 г. решение Синода было высочайше утверждено. На общежительное содержание игумении с сестрами определены были проценты с капитала в 15 тыс. руб., а именно 600 руб., и приобретения от трудов сестер обители. Для усиления содержания монашеского общежития в качестве постоянного оклада на новоучрежденную обитель был обращен по всемиловейшему снисхождению его императорского величества производимый генерал-майорше Тучковой пенсией – 1 800 руб.⁶

Вопреки сложившемуся мнению, вокруг Тучковой селились не вдовы павших в сражении воинов. Пустынь, да и монастырь всегда носили наименование «девичьего», и в его составе числились представительницы самых разных сословий.

По клировым ведомостям монашествующих за 1840 г. в Спасо-Бородинском монастыре насчитывалось около четырех десятков насельниц, из которых четырнадцать имели крестьянское происхождение, десять вышли из мещанских семей. Дворянок было семеро, включая саму настоятельницу. Две насельницы относились к однодворцам, столько же к духовному сословию. Одна была из вольноопределяющихся, одна – иностранка, принявшая христианскую веру, и одна – еврейской национальности. Клировые ведомости являются источником, благодаря которому ближайшее окружение М.М. Тучковой на период подготовки и празднования Бородинской годовщины перестает быть безликой массой.

Средний возраст проживающих в обители был 43 года. Самой старшей послушнице Варваре Ивановой, из дворян, было 84 года, послушаниями по слабости здоровья она не была обременена. Самая младшая послушница, двадцатилетняя крестьянка Екатерина Кириллова, пела на клиросе. Она подвизалась в обители с 1834 г. В этом же году рядом с Тучковой оказалась и схимонахиня София, из духовного сословия. В РГИА имеется дело, раскрывающее перипетии ее жизни. Уроженка Ярославской губернии приняла постриг в 1807 г. на Святой земле от руки Преосвященного Мисаила Петрского, патриаршего местоблюстителя в Иерусалиме. На склоне лет собиралась вновь отправиться в Святую землю, и все нужные бумаги имела, но неисповедимые пути Господни привели ее в Спасо-Бородинскую пустынь. Здесь она «занемогла и не могла уже найти довольно сил», чтобы отправиться дальше. Пожелав навсегда остаться в обители, схимонахиня «многими опытами благонравия и строгой жизни приобрела между сестрами общее уважение и любовь»⁷.

Первые постриги по указам Консисории и вследствие указов Святейшего Синода были совершены в монастыре в 1839 г. 11 февраля в мантию пострижены три монахини. 10 августа с разрешения Его Высокопреосвященства состоялся постриг четырех послушниц в рясофор⁸. Сама Тучкова была пострижена в рясофор с именем Мелания в 1836 г. в Троице-Сергиевой Лавре. Первой ее сомолитвенницей с 1828 г., согласно клировым ведомостям монашествующих за 1844 г., была некая монахиня Маргарита, из мещан, постриженная в монастыре в числе первых трех. Мирское имя ее, к сожалению, остается неизвестным, как, впрочем, неизвестны мирские имена всех постриженниц.

Ежедневное богослужение в монастыре отправляли по «Положению о Спасской церкви, что на Бородинском поле», подписанному митрополитом Филаретом 16 июня 1829 г., монахи Можайского Лужецкого монастыря. Да и сама церковь находилась «под ведением настоятеля Лужецкого монастыря, согласно с желанием храмоздательницы», положившей 2 июля того же года в сохранную казну на имя Лужецкого монастыря 20 тыс. руб. ассигнациями на вечное время. Проценты по 5 руб. со 100, т.е. 1 тыс. руб., ежегодно отпускались Лужецкому архимандриту на содержание церкви Всемиловнейшего Спаса на полях Бородина и на издержки ежедневного исправления в ней священнослужения в память об усопших⁹.

Постепенно стала складываться традиция и ежегодного поминовения павших воинов в годовщину сражения – 26 августа. К середине 1830-х годов она заключалась в ранней литургии в церкви с. Бородино, крестном ходе к обители и поздней литургии в ее стенах. Тучкова приглашала в этот день для соборной молитвы духовенство Можайска и окрестных сел.

Что представляла собой сама обитель в это время? Первоначально здесь имелась единственная маленькая церковь Спаса Нерукотворного с крохотной звонницей, вокруг которых множились деревянные жилые постройки. И тем не менее именно Тучковская пустынь оказалась в центре событий 9 мая 1837 г., когда состоялась закладка Бородинского памятника. Прибывшее из Москвы духовенство, возглавляемое викарием Московской митрополии Преподобным Исидором, епископом Дмитровским, военные и гражданские чиновники во главе с московским генерал-губернатором Д.В. Голицыным «собрались в Спасской общежительной пустыни для слушания Божественной литургии. После литургии была отправлена панихида по православным воинам за веру, царя и Отечество на брани живот свой положивших. Затем крестный ход с пением „Христос воскрес!“ двинулся к батарее Раевского, где должно было совершить закладку монумента»¹⁰.

В преддверии грядущего празднования настоятельница Спасо-Бородинской пустыни вознамерилась придать ей надлежащий вид. Необходимо было устроить колокольню вместо маленькой звонницы и выстроить ограду. 8 ноября 1837 г. Тучкова через графа Бенкендорфа обращалась к императору Николаю I «о Всемилостивейшей выдаче ей 25 тысяч рублей в пособие на устройство колокольни при церкви Спасской пустыни и на окончание выстраиваемой ограды». По смете архитектора требовалось 50 тыс. руб. на окончание строения, но настоятельница не рискнула просить столь значительную сумму и надеялась, что достаточно будет половины, предпринимая изготовление кирпича своими трудами¹¹. Забегая вперед, скажем, что просимая сумма отпущена была не скоро, Тучкова получила ее через полтора года – 10 мая 1839 г.¹²

Вполне возможно, что намерение строить колокольню и ограду если не возникло, то укрепилось после того, как 22 июля 1837 г. «генеральша Тучкова была обрадована посещением Державного Гостя». Приезд в Бородино его будущего августейшего помещика великого князя Александра Николаевича, так же как и интересные для нас подробности праздничных дней августа 1839 г., описаны в документе «Некоторые достопамятные сведения о Бородине» из коллекции документов рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца¹³. Документ хранится в ГА РФ, дата составления и автор не указаны. Он фрагментарно цитировался, в том числе и в сборнике «Се аз, Господи, игумения Мария»¹⁴.

Оказалось, что и в РГАЛИ в фонде А.А. Тучкова (родного племянника генерала Тучкова 4-го) хранится рукописный документ, написанный тем же каллиграфическим почерком. Содержание обоих документов практически совпадает слово в слово. И все же документ из РГАЛИ более полон и со-

держит некоторые детали или подробности, каких нет в документе из ГА РФ. На первом листе документа из РГАЛИ имеется владельческий штамп. «Михаила Павловича Тучкова» читаем на нем¹⁵. Это, в свою очередь, родной племянник фондообразователя и внучатый племянник все того же генерала Тучкова 4-го. Вышеизложенное является основанием для робкого предположения, что автором сочинения был кто-то из Тучковых. Возможно полный тезка героя Отечественной войны – Павел Алексеевич Тучков, генерал-майор и начальник штаба Отдельного гвардейского корпуса с 1836 г.

Итак, назовем некоторые из достопамятных сведений о Спасо-Бородинском монастыре в период подготовки и празднования Бородинской годовщины по документу из РГАЛИ. Если верить его автору, то об устройении ограды Тучкова начала думать вскоре по утверждению обителя, т.е. после 1833 г. Названо имя благодетеля: «генерал Петр Петрович Бекетов, пришел на помощь, прислал 20 000 рублей». Генерал еще прежде, «узнав о малых способах учредительницы, не зная ее лично, захотел участвовать в Богоугодном ее предприятии: вызвался давать по двести рублей в месяц». Когда закончились эти средства, т.е. 20 тыс. руб., «настоятельница, продала все свои вещи, серебро, словом все, что имела, но всего сего недостаточно было к окончанию. Строилась не одна ограда, а в ограде на восток вышло удобное место устроить поболее Трапезу; возле трапезы – Церковь во Имя Филарета Милостивого, и несколько келий». Но и после этого постройку невозможно было закончить, поэтому Тучкова и обратилась к императору с просьбой пожаловать ей 25 тыс. руб.

23 июля 1839 г. митрополит Филарет освящал храм Филарета Милостивого и дарствовал оному Евангелие и Крест. «Сказал Слово к научению обитательниц так чувствительно, так трогательно: Святитель плакал, говоря оное, а слушатели рыдали. По освящении, как нововозникший Монастырь, Владыка захотел благословить Пастырским Своим Благословением: со Святыми Иконами и приличною церемониею обошел вокруг Монастыря, кропя Святой водой»¹⁶. Появление еще одного храма, освященного митрополитом Филаретом, дало Тучковой повод в одном из писем к статс-даме и гофмейстерине при великой княгине Марии Николаевне Юлии Федоровне Барановой назвать свой монастырь Спасо-Филарето-Бородинским¹⁷.

Чуть менее месяца оставалось до того дня, когда обитель с ее скромным благолепием, кроме святительского благословения, обрела и монаршее покровительство.

Архивные документы позволяют реконструировать события августа 1839 г., происходившие в Спасо-Бородинской обители, а значит, и в жизни ее

настоятельница, которая роковым пророчеством задолго до битвы оказалась связана с Бородином.

Император Николай I с его высочеством Александром Николаевичем прибыли в Бородино в ночь с 16 на 17 августа 1839 г., великий князь Михаил Павлович приехал 19-го числа во втором часу пополудни¹⁸. И в тот же день государь с августейшим братом оказался в Спасо-Бородинском монастыре, он «пожаловал посетить Вдову Героя; милостивым приветствием ободрил робкую отшельницу. Изволил сидеть с ней, разговаривая милостиво и утешая; пригласил к Монументу для слушания Панихиды, говоря: „Мы вместе помолимся, молитву Вашу Господь услышит!“»¹⁹.

«20-го Августа Государь Цесаревич и Принц Лейхтенбергский, зять императора, посетили Настоятельница. 21-го Великий князь Михаил Павлович вторично изволил удостоить Своим посещением. 22-го сын Великой княгини Анны Павловны, Принц Нидерландский с Крон-Принцем Австрийским пожаловали. 23-го Августейший брат Императрицы Принц Прусский удостоил Своим посещением. Все Державные Гости, все как будто желали влить бальзам утешения в столь долго скорбящую душу»²⁰.

Надо полагать, что лучше всего это получалось у женщин. О них в тексте ничего не пишется, и тем не менее на Бородинских торжествах присутствовала и великая княгиня Мария Николаевна. Молодой супружеской паре Марии Николаевне и герцогу Лейхтенбергскому были отведены покои на первом этаже Бородинского дворца. Государь и наследник занимали соответственно две и одну комнаты в первом кавалерском корпусе²¹.

Думаю, интересен будет ракурс, под которым описывает эти дни сама Тучкова. Вот ее письмо к жене брата Елизавете Петровне Нарышкиной (урожденной Коновницыной). Оно хранится в НИОР РГБ, документ без даты. Однако по содержанию она легко определяется – вторая половина августа 1839 г. М.М. Нарышкин – государственный преступник, осужденный за тринадцать лет перед тем, находился в ссылке в Кургане, и его судьба, как увидим, волновала Тучкову, пожалуй, больше, нежели все происходящее вокруг нее. Возможность увидеть императора и вымолить прощение любимому брату – вот что занимало ее мысли. В разговоре с царем она, приступая к разъяснению своей просьбы, прежде всего сочла нужным упомянуть одного из героев Бородинского дня – П.П. Коновницына, тестя брата.

Протицируем письмо отрывочно. «...Слишком рано радоваться. Письмо, написанное Вашим достойным батюшкой, я показала Его Величеству и он не оставил его без внимания... когда приехал ко мне Волконский К. Петр Михайлович с непременною волею Государя сделать, что я хочу для обители, которую Государь почитает и любит – я ответила „обитель существует

уже щедротами Государя, – но есть желание, есть скорбь, которая как камень лежит на сердце и который может быть отвален Монаршим милосердием“ – Слишком рано, вот все что получила в ответ».

Сначала она отказалась быть на панихиде! «...Отказавшись от зову Его Императорского Величества быть на печальной церемонии и молиться с Ним, я хотела еще попробовать счастья. – Не умилюствится ли сердце Его. – Много было мне чести, даже смею сказать, много внимания сострадательно-го. – Но все тоже – и я неутешена».

«Государь хотел быть всякой день занят войсками, но со всем тем изволил сказать, что найдет время бывать у меня, – но и не приходит. А всех присылает ко мне, не имею время помолиться, разве нощию, – все со мною горюют; но и все Государя сердечно защищают, – я только что слезы лью».

Среди посетителей был В.А. Жуковский. «...И тот, прося меня о том предварил, что Государь Цесаревич не смеет о том говорить Государю, – никак, – и что он не силен нам помощи. – Государь прислал мне обоих сыновей – и потому, когда я с слезами стала говорить Цесаревичу, он замял мою речь. – Грустно, друзья мои, – но доказательством моих действий вам служит то, что имея случай говорить о нуждах обители, я ничего не говорила в удовлетворение моей совести. – Ради Господа верь, что если придет ко мне недостойной грешнице Государь, – не буду без слов»²².

Но вот наступил главный день празднования. «26-го Августа Вдова убиенного за Отечество Героя, Коего Имя значитя на Монументе, сопровождаемая старшим братом супруга ея, Генералом Павлом Алексеевичем Тучковым, по желанию Монарха, прибыла к Монументу; поставлена была за решетку, где были собраны участвовавшие в Бородинском сражении. Государь лишь ее увидел, подъезжает к решетке и говорит Иностранным Принцам, на французском языке: „Вот почтенная вдова храброго Генерала Тучкова, которая воздвигла Монумент неподражаемый!“ По-русски: „Кланяюсь Вашему Превосходительству! Дайте мне Вашу руку. Картина прекрасная, но горестная для Вас, – разделяю скорбь Вашу; да подкрепит Вас Господь!“».

Праздник прошел, но праздничная суeta вокруг монастыря только усилилась. «Все Генералы, как будто наперерыв желали видеть батарею, поглотившую Героя, из крови коего возник Монастырь. Все кланялись месту священному и посещали Вдову Воина, словом, кажется вся Армия, все офицеры, все солдаты перебивали в Монастыре».

1 сентября в день своего ангела – Св. Маргариты – Тучкова жестоко занемогла горячкой; целый день была без памяти, «так что пушки, окружавшие Монастырь и производившие ежеминутные выстрелы, не были ею слышаны. Это был день маневров». Доктор цесаревича Иван Васильевич Енохин

три раза в день посещал больную и «с помощью Божию усердным старанием и искусством перервал горячку». На другой день она пришла в память.

Государь сдержал слово. 2 сентября его величество в сопровождении цесаревича, принца Лейхтенбергского, великого князя Михаила Павловича и фельдмаршала Паскевича-Эриванского приехал навестить матушку. Она была еще очень слаба, и государь не позволил ей подняться с постели.

3 сентября Николай I и его блестящая свита уехали из Бородина, и на следующий же день вслед ему из Спасо-Бородинской пустыни полетело письмо: «Государь! По твоему приказанию, я на пути к выздоровлению; тем сильно убеждена я, что к Воле Доброго Царя присоединены Воля и Благословение Божии! <...>

Памятование Твоего посещения будет служить мне отрадой в горестной моей жизни и упованием, что Спасо-Бородинская обитель не будет оставлена. Остается мне просить у Тебя Государь! о дозволении мне в случае нужды прибегнуть письменно к Тебе, Великодушный Царь-Благодетель! На таком снисходительном дозволении Твоем сладко упокоется душа моя»²³.

12 сентября письмо было надписано: «Высочайше повелено отвечать, что Его Величество с удовольствием окажет всегда Спасо-Бородинской обители Монаршее свое благоволение и покровительство, и повторил данное дозволении настоятельнице Тучковой обращаться прямо к Его Величеству во всех случаях, где она в том нужду иметь будет».

Остается сказать, что знакомство бородинской пустынножительницы и российского императора продолжилось. Мать Мария писала государю напрямую, но случалось и его величеству обращаться к настоятельнице Тучковой с просьбами...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 11. Д. 664. Л. 6.

² Там же. Л. 23.

³ Слово на освящении храма святого праведного Филарета в Спасо-Бородинском монастыре, и при обновлении сей новоучрежденной обители // Сочинения Филарета митрополита Московского и Коломенского. М., 1882. Т. IV.

⁴ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 259. Д. 1. Л. 130об.–131.

⁵ Там же.

⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 118. Д. 191.

⁷ Там же. Оп. 123. Д. 859.

⁸ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 744. Д. 2640. Л. 393–394.

- ⁹ Там же. Оп. 634. Д. 120. Л. 6–7.
- ¹⁰ Там же. Ф. 16. Оп. 11. Д. 664. Л. 6.
- ¹¹ ГА РФ. Ф. 1717. Оп. 1. Д. 106. Л. 1.
- ¹² ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 623. Д. 247. Л. 13.
- ¹³ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1853. Л. 11.
- ¹⁴ Се аз, Господи, игумения Мария / Сост. Е.В. Семенищева. М., 2006.
- ¹⁵ РГАЛИ. Ф. 498. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 1–4.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 303. Ед. хр. 20. Л. 126–147.
- ¹⁸ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 507. Д. 7. Л. 1–2.
- ¹⁹ РГАЛИ. Ф. 498. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 3.
- ²⁰ Там же. Л. 3об.
- ²¹ РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 223. Л. 3.
- ²² НИОР РГБ. Ф. 133. Кор. 5817. Ед. хр. 2. Л. 1–2об.
- ²³ РГВИА. Ф. 970. Оп. 2. Д. 320. Л. 1.